

«ДАВАЙТЕ БУДЕМ ПОЛУЧАТЬ УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ПРОЦЕССА, А РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИДУТ!»

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ
С ЯКОВОМ ЛОМКИНЫМ МЕЖДУ
РЕПЕТИЦИЯМИ СПЕКТАКЛЯ,
ЗАКРЫВАЮЩЕГО ПЕРВЫЙ СЕЗОН,
ПРОВЕДЕННЫЙ В РОЛИ ГЛАВНОГО
РЕЖИССЕРА ТЕАТРА
РУССКОЙ ДРАМЫ УДМУРТИИ.
ПРЕДВОСХИЩАЯ
ВОПРОСЫ О «ВАРЯГАХ»
И ПРИЧИНАХ,
ПОБУДИВШИХ АКТЕРА
И РЕЖИССЕРА МОСКОВСКОГО
«САТИРИКОНА» ВПИСАТЬ В СВОЮ
ЖИЗНЬ ЕЩЕ И ИЖЕВСК,
ЯКОВ СЕРГЕЕВИЧ СООБЩИЛ:
«КОНЕЧНО, ЗНАКОМСТВО
С ТЕАТРОМ СОСТОЯЛОСЬ
НЕ ПОСЛЕ НАЗНАЧЕНИЯ –
У МЕНЯ БЫЛА ВОЗМОЖНОСТЬ,
БУДУЧИ ПРИГЛАШЕННЫМ
РЕЖИССЕРОМ, ОСВОИТЬСЯ ЗДЕСЬ,
ПОЧУВСТВОВАТЬ СРЕДУ, ПОНЯТЬ
ЭСТЕТИЧЕСКИ, ХУДОЖЕСТВЕННО,
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИ ЭТО МЕСТО».

Яков Ломкин,
главный режиссер Государственного
русского драматического театра
Удмуртии

– И как это было? Первая постановка не в Москве, вне столичной сцены?

– Тогда мне это показалось очень интересным и забавным. И новоэтаным. В Москве очень много объектов внимания, тебя постоянно кто-то дергает, и понятно, что через пару месяцев начинаешь скучать по этим ритмам. Но для меня Ижевск вдруг стал каким-то открытием, моментом для абсолютного творчества, когда ты можешь сконцентрироваться и полностью уйти в произведение, абсолютно абстрагировавшись от всех и всего. И работа оказалась очень продуктивной. Да и вообще, если бы тот спектакль не получился, то меня не только на главрежство не пригласили бы, но и на второе название.

Но тогда еще по поводу будущего назначения, во-первых, были лишь намеки. Во-вторых, я не мог бросить свой спектакль сразу после премьеры, для меня это была бы странная ситуация: вынашиваешь, рождаешь, а потом на этапе формирования бросаешь «ребенка» – пусть сам растет. Поэтому я приезжал на гастроли, следил за спектаклем, «вкручивал» его в новое пространство – в Казани, Челябинске, Рязани. Мне было просто физиологически, жизненно необходимо видеть этот спектакль, и эту необходимость, видимо, почувствовали и директор, и артисты. Все мы стали поддаваться центроостремительным силам, и как-то все получилось – я понял, что начался новый этап в роли главного режиссера.

– В каком направлении сейчас нужно двигаться этому театру? В частности, с каким драматургическим материалом работать?

– Меня пригласили не в то место, в котором ситуация «пожалуйста, спасайте, надо срочно что-то делать!», нет. Русский драматический – прекрасный театр, замечательная труппа, очень дееспособны все цеха, есть славные спектакли-номинанты на «Золотую маску». Это классный, современный, очень живой театр – вот что самое главное. По моему ощущению, сейчас репертуарная политика не является проблемой: по сути театр существует в монопольной среде (здесь же не 500 театров, как в Москве!), так что можно не бояться конкуренции в части названий. Но мне со своей стороны хотелось бы движений в части общей установки, месседжа, потому что театр в первую очередь должен удивлять зрителя, быть все время разным. И при

Спектакль «Водевиль. Навсегда»

этом острота зрительского внимания зависит не только от репертуарной политики, поэтому хочется мыслить проектами, которые были бы интересны и мне, и зрителю. Но хочу сказать, что если мне будет интересно, зрителю будет еще больше интересно, потому что я в этом смысле и зритель, и театральный деятель искушенный. И я могу сюда привозить самых интересных режиссеров, художников. Планов громадье, и мы пытаемся их осуществлять – лаборатории, читки, современная драматургия, осмысление классических пьес. Но самое главное, в нашем театре есть истинное сокровище – это артисты, на которых можно ставить, и хочется ставить, и нужно ставить, то есть, прежде всего, необходимо исходить из развития труппы. В чем, кроме всего прочего, заключается прелесть творчества главного режиссера, в отличие от работы приглашенных режиссеров? Приглашенные режиссеры могут судить об актерах по одному-двум талантливым спектаклям, которые успели или смогли увидеть, и, как правило, в свою постановку они втискивают артистов на аналогичные роли. Когда им заниматься развитием? Главное – поставить хороший спектакль и уехать. А мне важно, чтобы после хорошего спектакля было еще и творческое развитие для артиста, выход за пределы привычного амплуа и повышение его художественного профессионального уровня. Мне хочется предлагать артистам материал на вырост, для того чтобы их талант можно было неожиданно преподнести. Я уж не говорю, какие это всегда открытия для зрителя! Так получается, что у нас довольно много премьер, мы хотим много работать, и у нас есть возможность много ставить. Хотя бы даже потому, что труппа небольшая – всего 28 человек, а это значит, что в каждом спектакле заняты почти все, и в том числе и поэтому артистов нужно постоянно «мешать», чтобы удивлять и коллектив, и зрителя.

– Любой театр ведет свою летопись, от премьеры к премьере собирает архив своей истории: лица, спектакли, фестивали, награды, режиссеры, находки, повороты. Вот сейчас в театре русской драмы – время главного режиссера Якова Ломкина. Можете ли вы загадать, что появится на ваших страницах?

– Вот вы сейчас это озвучили, и – совершенно искренне вам говорю – я впервые об этом задумался. Задумался и понял, что мне совсем неинтерес-

но думать эпохами. Есть предстоящая постановка («Пьяные» – *Прим. ред.*), и все мои мысли направлены на нее. Это программа-минимум, которой я сейчас отдаю полностью. Есть программа-максимум – это следующий сезон. По репертуару есть уже совсем проясненные договоренности, есть подвешенные по некоторым названиям и режиссерам варианты, но в целом все уже сверстано до конца 2019 года. И вот это уже точно порядка десяти спектаклей, которые являются частью моей репертуарной политики.

– Этот сезон завершаете «Пьяными» Вырыпаева. Вообще в городе ожидают и обсуждают – и не без желания высказаться по выбору материала...

– Я считаю, что это одна из уникальных пьес! Другой такой не знаю, хотя приходится много читать современной драматургии. Я вам так скажу: огромное количество современной российской драматургии не предназначено для большой сцены, а наши театры – это на 90% огромные залы для большой формы, и если мы выносим туда камерные истории, то они в этих пространствах не работают. Поэтому театрам приходится брать комедийную «развлекаловку» типа Рэя Куни и Камолетти. Ну а что? Да, театру нужно зарабатывать. Тем более, если у нас почему-то не пишутся легкие, комедийные пьесы на такие пространства.

Очень интересный опыт получил в Рязани, когда участвовал в лаборатории современной драматургии. Специально туда пошел, чтобы пощупать, что сейчас происходит, и увидел, что наши драматурги – молодые, очень талантливые, демократичные, открытые, пишут так, что по-другому этот материал уже никак не поставить. А зачем мне брать такую пьесу, где мою режиссерскую фантазию обрубил драматург? Поэтому я уверен, что пьеса «Пьяные» – это подарок для всех: для режиссера, для артистов, которым автор написал просто фантастические роли, и для театра. Кроме того, что это пьеса для большой формы, она пластичная. Какое в ней огромное количество постановочных возможностей, возможностей для режиссерского монтажа, для развития интересных параллельных полифоничных сюжетов! В самом материале изначально заложена провокация, поэтому моя задача сделать так, чтобы зритель почувствовал, что современный театр и современная драматургия – это не страшно, не нудно, не скучно, а прозрачно, доступно и, главное, – не тупо. Это глубокая пьеса, в ней простые, но очень

яркие, возможно, заново переосмысленные вещи.

– Вопрос про учителей. Как актер вы работали с театральными легендами – Константином Райкиным, Робертом Стуруа, Юрием Бутусовым, Владимиром Машковым. Придя в этот театр и начав формировать тот самый новый месседж, о котором мы говорили, насколько вы ощущаете себя учеником великих учителей?

– Конечно! Но в первую очередь я просто безумно благодарен Владимиру Наумовичу Левертову. Это мой первый учитель, глыба, планета, педагог и режиссер от Бога. Несмотря на то что он недолго был с нами, лишь только первый курс, все азы профессии были получены от него: методология и основы живого театра (то, что сейчас вообще очень редко встречается), умение работать этюдным методом, вообще влюбление в систему Станиславского, как в Библию актерскую! Потом меня вело от режиссера к режиссеру, и Константин Аркадьевич Райкин – это не просто человек, который сформировал меня и как артиста, и как режиссера, и как педагога, и как личность, это пример для подражания. Ну посмотрите, что у меня на столе лежит, он всегда со мной! (выпуск журнала «Театрал» с Константином Райкиным на обложке – *Прим. ред.*). И то, что он дал мне, молодому режиссеру, который захотел что-то поставить, возможность старта в своем театре (сначала на малой, потом на большой сцене) – это просто верх художественного великодушия. Так что у меня есть на кого ориентироваться. И я уж не говорю о том, какой он создал театр! Театр, конечно, переживает не самые лучшие времена, сложности с реконструкцией, нет возможности выпускать столько спектаклей, сколько хочется, есть определенные трудности, которые, скрепя сердце, нужно преодолевать и идти дальше, и верить, что рано или поздно этот этап закончится, и «Сатириконе» станет вновь таким, каким был в начале 2000-х – одним из лучших театров Москвы, а значит, и мира!

И те режиссеры, с которыми мне удалось не просто выпускать спектакли, а стать соавторами этих спектаклей, – это огромное счастье. При этом же так получилось, что работа в «Сатириконе» была как-то премудро устроена, что это разные эстетики, разные театральные школы – Роберт Робертович Стуруа, Юрий Николаевич Бутусов, грузинская, московская, петербургская школы. Да и сам Константин Аркадьевич – чело-

век-театр и человек, который дышит театром и 24 часа в сутки занимается только театром. Поэтому, конечно, там есть чему научиться, у кого учиться и кому подражать. И в подражании в данном случае нет ничего плохого: во-первых, это очень обаятельно, и, если лидер в себя не влюбляет, и ему не хочется подражать, наверно, это плохой лидер.

– Школа «Сатириконе» вырастила вас и как артиста, и как режиссера, и как педагога. Ваш педагогический опыт тоже сыграет на развитие театра русской драмы?

– На моем курсе актерского мастерства в Высшей школе сценических искусств уже успешно учатся три наших актера – Александра Мусихина, Максим Морозов и Виталий Туеви. Так или иначе – все это вопрос процесса. Я ненавижу это слово – «результат», когда «по нашим планам публика должна обогатиться к сентябрю следующего года» или «мы поставим спектакль, и произойдет обогащение культуры». Нет, давайте мы будем в пути, давайте будем получать удовольствие от процесса, а результаты придут! В жизни и на сцене одни законы – надо честно заниматься своей работой, а успех, признание никуда не денутся. Зрителя же не обманешь – либо вложены в спектакль сердце, энергия, мысли, либо нет. И если даже некоторые не сильно искусственные ижевские театралы пока не готовы по живому воспринимать произведение, драматургическую структуру или современный язык театра, то подсознательно все равно все видят и чувствуют.

Еще очень важно, чтобы мы не оказывали «развлекательные услуги населению». Ну не для этого театр нужен, правда! Для развлечения есть эстрада, концерты, другие жанры и искусства. Театр для того, чтобы зритель к нему тянулся, а не чтобы театр нагнулся к зрителю и как-то заискивал. Да, есть прекрасные и легкие сюжеты, забавные, яркие, дающие надежду спектакли, а есть спектакли, которые должны заставлять зрителя думать, меняться, размышлять, а иногда даже ставить в тупик. Поэтому мне хочется насытить репертуар разнообразными театральными проектами, освоить новые жанры (как та же отчаянная клоунада в «Пьяных»), которые помогут расположить зрителя, раз уж пока не получается со зрителем на серьезные темы говорить сразу. И это тоже определенное «главрежское решение».

